

— Говорит и поназывает Италия. Мы начинаем свой рассказ о волнующих событиях, которые произошли здесь много лет тому назад. Да, дорогие друзья. Я рассказывал вам сказки со многих стадионов мира, но сказку «Золотой ключик» мне сегодня приходится рассказывать впервые. И хотя исход сказки многим уже известен, чем закончится сегодняшняя встреча, пока сказать трудно, встреча началась...

Так начинается (и, конечно же, голосом Николая Озерова) второе отделение нового спектакля «Мелочи жизни» лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Геннадий Хазанов. Давайте же и мы начнем нашу встречу с этим популярным артистом и его персонажами.

— Геннадий, наверное, несколько лет назад такой спектакль даже вам казался «сказочным» или вы были уже готовы к нему? Ведь зрители до сих пор знали вас по отдельным номерам в эстрадных концертах. Как вы пришли к этой постановке?

— Дело в том, что условия выступления отдельными номерами предполагают пребывание актера на сцене в течение десяти минут. Материал же, который я накопил за последние годы, значительно превышает это время. Кроме того, возникает такая ситуация, когда зритель ждет то, что он уже знает, а актера это не всегда удовлетворяет. Актеру хочется двигаться дальше. Возникает проблема «срабатываемости» материала, когда в течение двух или трех месяцев репертуар устаревает, тем более, если он постоянно транслируется по телевидению. И самое главное — ощущение тесноты в рамках сборного эстрадного концерта. Все это вместе взятое и привело меня к мысли создать такой спектакль. Да, пожалуй, вот еще что. Мне показалось очень любопытным собрать всех героев всех вместе. Дать им возможность обсудить какую-нибудь проблему, высказать в тесном кругу свои мысли. В центре разговора оказались мелочи жизни, как мы их привыкли называть. Казалось бы, ну что там — мелочь какая-то. А разговор... Каждый герой говорит о меня о какой-то одной мелочи. А потом вдруг получается: одна мелочь плюс еще одна мелочь, потом добавить еще несколько и... В результате возникает большая проблема.

— Которую вы пытаетесь разрешить...

— Ну, что вы, так быстро ее, естественно, не разрешить. Хотя я считаю, что смех — лучшее оружие для борьбы с ней. Конечно, не добродушный. Дело ведь не в том, что просто собрались и посмеялись... Все это отнюдь не просто. Потому и времени на это ушло немало.

— Нескольких слов о творческих «муках» в этот период.

— Что ж, над этим спектаклем мы работали в общей сложности два года. Практически год потребовался на создание литературной основы, оригинальной пьесы для одного эстрадного артиста. Этим занимался писатель Аркадий Хайт. И потом почти год на окончательную подготовку и выпуск программ. А поскольку дело это новое, то находились плюс ко всему и люди, не верящие в успех. Или считающие это забавой, в крайнем слу-

чае одной из обычных программ — на пять — шесть — семь — десять представлений максимум. Усложнялось все еще тем, что законы спектакля особенные. Это не законы эстрадного концерта. И ту же пародию, например, надо решать в стиле спектакля, а не в стиле отдельного выступления. Думается, что это до определенной степени итоговая работа. И тот багаж, который был нежит, и подвел меня к желанию вместе с Хайтом создать спектакль.

С Аркадием Хайтом я сотрудничаю почти с первых своих шагов на «большой» эстраде, то есть почти десять лет. А до этого момента у нас был период, я бы сказал, прощупывания. Причем это прощупывание было скорее односторонним — он уже был пишущим человеком, а я только учился в эстрадно-цирковом училище. Мне очень повезло, что я работаю с ним. И считаю, что именно он — тот человек, который должен взять на себя большую часть успеха. А вторую, то есть оставшуюся часть, нужно разделить между самими персонажами.

— Кстати, в вашем спектакле большинство из них — новье...

— Да, в первом отделении, которое идет под общим названием «Первый концерт для мелочи жизни без оркестра», из семи монологов — шесть впервые представлены на сцене. Герои — и люди, и... животные, которые подчас заменяют больше, чем сами люди. Поэтому мы и решили дать им возможность высказаться.

Во втором отделении мне приходится заниматься и вокалом. Высоцкий, Дивов.

— Геннадий, вы больше знакомы зрителям как пародист. И все же собственно пародийным в спектакле является второе отделение.

— Жанр юмора и сатиры предполагает пародийную основу. Сам же жанр пародии гораздо более глубокий, чем «передразнивание» того или иного артиста, если, конечно, имеется в виду именно это. Собственно говоря, это старый теоретический спор...

— На чем вы основываетесь, выбирая человека, которого хотите, как вы выразились, «передразнить»?

— Трудно сказать. Думаю, что первый критерий — максимальная популярность этого человека. Хотя, к сожалению, на этом пути достаточно сложностей. Самым главным, я считаю, должно быть наличие раздражителя. Не обязательно даже отрицательного, чаще

положительного раздражителя. То есть я хочу сказать, что артист или личность должны быть достаточно яркими, чтобы можно было сделать хорошую пародию. Сама по себе пародия может быть разной. Пародии в спектакле, как зрители, наверное, заметили, неодинаковы по своему жанру, а точнее даже по тональности. Потому что здесь есть почти все ее разновидности, начиная от карикатуры и кончая дружеским шаржем.

— «Золотой ключик», по-видимому, наиболее приемлемая форма для пародии.

— Где же, как не в сказке, можно объединить всех героев, тем более столь различных по характеру, стилю, манерам. А так как фигура комментатора Николая Озерова известна и популярна, то ему и вестись сказку.

— Геннадий, а какое чувство оставляет у вас после спектакля, после стольких перевоплощений?

— Честно говоря, большая радость. Думаю, что сделал значительный шаг вперед. Доставил удовольствие и сама работа над ним. Хотя, конечно, не со всем можно согласиться, и у меня по работе есть к себе целый ряд претензий. И у автора спектакля к себе. Но без ошибок не бывает работы. И поэтому в

новом спектакле хочется сделать... но вы ошибки. Но уже не эти. А после каждого спектакля... Хотя и устаю (все-таки напряжение значительно возросло), все же пытаюсь проанализировать только что сыгранный спектакль, найти какие-то законы успеха или неуспеха того или иного момента. Пробую проиграть еще раз для себя.

— В вашей новой программе более двадцати персонажей. Сколько всего было сыграно вами ролей, по всей видимости, трудно сосчитать. Ну, а есть ли среди них особая, любимая?

— Сосчитать все действительно трудно. Самую любимую назвать? Пожалуй, такой нет. Все люблю. Вы, возможно, ожидали, что это, мол, учащийся кулинерного техникума. Но у меня к нему и претензии есть наряду с благодарностью. Потому что вместе с радостью, которую он мне доставил, принес не меньше забот и огорчений. Отождествление с персонажем и вообще желание зрителя заковать артиста в маску — это одна из самых опасных тенденций. Поэтому этот персонаж таит в себе много и, я бы сказал, негативных сторон.

— И все-таки мы вновь встречаемся с ним в вашем моноспектакле...

— Да, мы его включили в программу. Но это носит несколько иной характер. Если раньше он был сам сатирическим образом, то теперь острей сатиры направлено на другой объект. В принципе ведь он все-таки неплохой человек...

— Геннадий, сейчас достать билет «на Хазанова» просто невозможно. А с чего вы начинали?

— С передразнивания своих школьных друзей. Я быстро понял, что это очень смешно. Реагировали тогда по-разному. Но в большинстве случаев я успевал вовремя «снять маску». Мне это так нравилось, что решил стать артистом. Но не повезло: не приняли в театральное училище. Сказали, что нет юмора и темперамента. И поэтому я сначала учился в строительном институте. Да, кстати, к кулинерному техникуму не имею никакого отношения. Потом все-таки окончил эстрадно-цирковое.

— Геннадий, что бы вам хотелось сказать в заключение нашей беседы читателям нашей газеты?

— Хочу возразиться к своему спектаклю, который на напрасно называется «Мелочи жизни». Вернее, просто приведу отрывок из него:

«Можно сказать: подумай, ну что такое один человек, когда нас миллионы? А миллионы состоят из отдельных людей. И каждый надеется прожить каждый свой день в хорошем настроении. Можно сказать: подумай, ну что такое один день? Это же тоже мелочь. У нас в среднем продолжительность жизни 25 тысяч дней. Но ведь эти тысячи тоже из отдельных дней состоит. И, наверное, только в наших с вами силах сделать все, чтобы ни один день нашей жизни не был испорчен этими так называемыми «мелочами» жизни. Чтобы всеми человек прожил в среднем 25 тысяч счастливых дней. Счастливых дней без единой мелочи...»

Беседу вел В. МАМОНТОВА.
Фото В. НЕКРАСОВА.

1978 5 МАЯ